II. К столетию Гражданской войны в России (1)

Леонид Люкс

От большевистского переворота до «военного коммунизма»: становление партократического режима в России в 1917-1918 гг.*

Свержение Временного правительства 25-26 октября 1917 г. положило конец двоевластию, установившемуся в России сразу же после падения самодержавия. «Вся власть [принадлежала теперь] Советам» – той структуре, которую Ленин публично объявил высшей формой народовластия и к которой он, в то же время, испытывал величайшее недоверие. Советы были учреждением, олицетворявшим общественное неповиновение, стремление российских «низов» к эмансипации, к восстанию против установившихся отношений власти и собственности. Советы были весьма эффективным орудием разрушения «буржуазного» государства, но вследствие своей аморфной структуры они едва ли были предназначены для того, чтобы создать аппарат власти нового, на сей раз «пролетарского» государства. Эта гигантская задача, по мнению Ленина, была по плечу лишь партии большевиков.

Уже в своем программном труде *Что делать?*, опубликованном в 1902 г., то есть за год до основания большевистской партии, Ленин писал: «Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию!»[1]. Большевистская партия сознательно создавалась Лениным как партия нового типа, т.е. как централизованный, строго дисциплинированный авангард рабочего класса. Свойственная Марксу и Энгельсу идеализация пролетариата была Ленину в общем чужда. Социал-демократическое сознание могло быть привнесено в рабочий класс лишь извне, его авангардом, теоретически и политически подготовленными профессиональными революционерами, – отмечал Ленин в книге *Что делать?*. Пролетарская масса самостоятельно может лишь подняться до уровня тред-юнионистского сознания. Таким образом, собственно субъектом истории, демиургом, призванным создать новый мир, Ленин считал не пролетариат, а партию.

---

* Расширенная версия главы моей книги *История России и Советского Союза: от Ленина до Ельцина* (М.: РОССПЭН, 2009).

[1] Ленин В.И. Что делать? Штутгарт, 1902. С. 97.

При такой смене парадигм вопрос о производственных и классовых отношениях, очень важный для ортодоксальных марксистов, отступал на второй план. Решения партии получали абсолютный приоритет. Партия решала, созрела ли та или иная страна для пролетарской революции. Здесь, однако, следует заметить, что Ленину ни перед Октябрьской революцией, ни сразу же после нее, не удалось претворить в жизнь свой идеал партии. Развитие большевистской партии с момента ее создания сопровождалось беспрерывными разногласиями и расколами. Характерная для революционной русской интеллигенции склонность к политической полемике, причем в самой острой форме, была свойственна и «партии нового типа».

И во время переломных событий 1917-1918 гг. большевики являли собой отнюдь не организационный монолит, как это зачастую представлялось в советской историографии. Расколотыми, не едиными были не только региональные парторганизации, но и руководящие органы большевиков. Наглядный пример тому – острые разногласия в ЦК партии, существовавшие накануне большевистского переворота 25 октября 1917 г., и ставшие еще острее после успеха путча. Однако, несмотря на свою внутреннюю разрозненность, большевики были все же организованы лучше, чем другие политические группировки тогдашней России. Не в последнюю очередь поэтому все попытки их противников (а к ним принадлежал почти весь политический класс страны) остановить победное шествие большевиков потерпели крах как до, так и после государственного переворота Октября 1917 г.

Большевистская партия и Советы: новое «двоевластие»?

Перед лицом далеко зашедших процессов распада, охвативших почти все политические, социальные и экономические структуры страны, большевистская партия, вопреки своей неоднородности, стала кристаллизатором процесса создания новой русской государственности. В тот момент, когда большевики, как они считали, полностью порвали с дореволюционной Россией, они неосознанно снова стали ориентироваться на определенные тенденции русского исторического развития, не в последнюю очередь на традицию неограниченной царской автократии. Николай Бердяев объяснял ленинские успехи прежде всего тем, что Ленин олицетворял собой как глубоко укоренившиеся в русской истории традиции революционного антигосударственного максимализма, так и традиции государственной деспотии[2]. На самом деле, ленинская концепция партии, считавшая массы незрелыми и нуждающимися в опеке «зрелого» авангарда, который должен поднять их к «правильному» сознанию, напоминает патерналистские концепции сторонников царского самодержавия, делавших ставку на политическую «незре-

[2] Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 95, 115-117.

лость» подданных. Ленин, впрочем, соединял в себе презрение к массам со способностью при необходимости подчиниться их воле. Именно эта способность чрезвычайно облегчила ему как захват власти, так и утверждение своего господства.

Фёдор Степун пишет, что Ленин в 1917 г. понял, что вождь, чтобы победить, в определенной ситуации должен подчиняться воле масс. Несмотря на то, что Ленин был человеком необычайной силы воли, он послушно двигался в направлении, избранном массами[3]. Первые декреты Советской власти, принятые сразу же после государственного переворота, наглядно свидетельствуют об этой способности Ленина. Уже 26 октября 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов, объявившем об установлении в России Советской власти, были приняты «Декреты о мире» и «Декрет о земле». Первым декретом большевики пошли на встречу радикальному стремлению российских народных масс к миру и предложили всем воюющим странам заключить мир без аннексий и контрибуций; второй декрет объявил о конфискации всей помещичьей земли без выкупа и отвечал мечтам многих поколений русского крестьянства о справедливом разделе земли, о ее «черном переделе».

С первоначальной программой большевистской партии эти декреты имели мало общего, например, «Декрет о мире». В действительности целью Ленина никоим образом не являлось окончание мировой войны – он стремился превратить ее во всемирную гражданскую войну. Ленин многократно повторял, что только таким образом может быть устранена главная причина всех войн – агрессивный и экспансионистский мировой капитал. Вскоре после начала мировой войны Ленин назвал ее «величайшим режиссером мировой истории». Через несколько месяцев он писал, что наступила эпоха штыка; значит надо бороться с помощью этого оружия. Все это показывает, что пацифистские лозунги, с чрезвычайным успехом распространяемые большевиками в 1917 г., противоречили долговременным целям партии. Но они отвечали ожиданиям народных масс России, в конечном итоге определявших политическое будущее страны. Поэтому Ленин считал нужным до поры до времени приспосабливаться к этим ожиданиям.

Радикальная земельная реформа, отменявшая право собственности помещиков на землю и укреплявшая мелкое крестьянское хозяйство, решительно противоречила представлениям ортодоксальных марксистов, в частности и большевиков, мечтавших об обобществлении, т.е. национализации сельского хозяйства. Роза Люксембург, которая с особым пылом отстаивала марксистскую веру, в сентябре 1918 г. критиковала аграрную политику большевиков как предательство марксизма: «Захват земли крестьянами привел всего лишь ... к внезапному, хаотичному переходу крупной помещичьей земельной собственности в крестьянское землепользование. То, что было создано – это не общественная, а новая частная собственность, возникшая путем раздробления ... относительно передовых крупных

[3] Степун Ф. Мысли о России // Современные записки. 1927. № 33. С. 346-347.

предприятий, на маленькие и примитивные, применяющие ту же технику, что и во времена фараонов»[4]. Ленин неоднократно признавал, что большевики в «Декрете о земле» осуществили не свою программу, а программу своих политических противников – эсеров. Эсеры, в отличие от русских марксистов, связывали свои революционные надежды прежде всего с крестьянством, а не с промышленным пролетариатом, и с особой страстностью защищали интересы и чаяния сельских жителей России. Но, в отличие от большевиков, они хотели подождать с осуществлением радикальной земельной реформы до созыва Учредительного собрания. У Ленина же не было таких соображений; не заботясь об одобрении «Декрета о земле» будущим Конституционным органом, он поставил общество перед свершившимся фактом. Тем самым Ленин отнял у эсеров, которые вследствие своего влияния среди крестьян могли стать чрезвычайно опасным конкурентом большевиков, их самый главный козырь.

Так что большевики никоим образом не являлись лишь доктринерами, оторванными от реального мира, в чем их часто упрекали их противники. Если бы это было так, то они бы не достигли тех поразительных успехов, которых достигли. Секрет их успеха состоял в том, что они были в состоянии соединять догматическую непреклонность с удивительным чувством реальности. Они также были способны к радикальному изменению своего курса, если того требовали обстоятельства, тем более если от этого зависело их выживание. Не в последнюю очередь поэтому многие авторы не перестают удивляться прагматизму большевиков. Но и эти наблюдатели зачастую заблуждаются. Они недооценивают догматическую сторону большевизма. Даже в то время, когда партия следовала прагматическим курсом, она никогда не отказывалась от своей цели – осуществить марксистскую утопию, разумеется, в ее большевистской интерпретации.

Чтобы иметь возможность в связи с изменением политической ситуации быстро менять свой курс, партии нужна была широкая свобода действий, т.е. единовластие. Компромиссы с возможными партнерами по коалиции, имеющим иную программу, могли бы привести к существенным ограничениям этой свободы. Не в последнюю очередь поэтому Ленин сразу же после государственного переворота выступал за формирование чисто большевистского правительства. Первое советское правительство, по предложению Троцкого названное Совет Народных Комиссаров (СНК или Совнарком) и утвержденное II Всероссийским съездом Советов, на деле и было таковым. Однако некоторые из ближайших соратников Ленина считали, что единоличное правление большевиков неизбежно приведет страну к гражданской войне и хотели существенно расширить политическую базу правительства. Они являлись сторонниками социалистического многопартийного правительства и представляли точку зрения, очень популярную в лагере социалистов-критиков большевиков. За многопартийное социалистическое правительство выступал также влиятельный профсоюз железнодорожников, Всерос-

[4] Luxemburg R. Politische Schriften / Ed. O. Flechtheim. Frankfurt/Main, 1961. Vol. 3. P. 118-119.

сийский исполнительный комитет которого (Викжель) угрожал большевикам всеобщей стачкой в случае, если в Совнарком войдут одни лишь большевики. В конечном итоге, однако, 1 ноября 1917 г., после острых разногласий, в большевистском ЦК одержали верх сторонники проводимой Лениным и Троцким «твердой» линии.

Партийные вожди – последователи «мягкого» курса: Зиновьев, Каменев, Рыков, Милютин, Ногин и другие – вышли из ЦК большевиков или из СНК. Побежденная оппозиция сделала следующее заявление: «По нашему мнению, необходимо образовать социалистическое правительство, представляющее все входящие в Совет партии… Мы считаем, что теперь есть лишь одна альтернатива: сохранение чисто большевистского правительства на основе политического террора. На этот путь согласен Совнарком. Но мы не можем и не хотим идти по этому пути. Мы считаем, что он приведет к исключению пролетарских массовых организаций из руководства политической жизнью, к установлению режима, который ни перед кем не несет ответственности, к гибели революции и страны. Мы не можем взять на себя ответственность за эту политику и, поэтому, просим ЦИК (Центральный исполнительный комитет Советов) о нашей отставке как Народных Комиссаров»[5].

Но нельзя забывать, что наряду с Совнаркомом существовали и Советы, от имени которых он действовал и под контролем которых находился. Со времени II Всероссийского съезда Советов, состоявшегося 25-26 октября 1917 г., большевики в ЦИК Советов имели большинство – 58%. Но и представители других социалистических партий активно участвовали в работе этого официального высшего органа власти в стране, компетенцию которого II Всероссийский съезд Советов определил следующим образом: «Контроль над деятельностью Народных Комиссаров, а также право их отставки принадлежит Всероссийскому съезду Советов… и его ЦИК»[6].

При анализе отношений, существовавших между Советами и СНК, первоначально складывается впечатление, что они были основаны на разделении властей: Советы олицетворяли законодательную власть, а Совнарком – исполнительную. Но это впечатление обманчиво. Большевики считали принцип разделения властей пережитком буржуазного прошлого. В 7 главе Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), принятой 10 июля 1918 г., Всероссийский ЦИК Советов определялся «как высший законодательный, распорядительный и контрольный орган» РСФСР. Такая формулировка напоминает власть русского самодержавия до революции 1905 г. Так русский правовед Михаил Сперанский в 1832 г. в Своде Законов Российской Империи определил Россию как абсолютную и неограниченную монархию. Царь был назван

[5] Pipes R. Die Russische Revolution. Berlin, 1991. Vol. 2. P. 309-310; Keep J.L.H. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. N.Y., 1976. P. 319.
[6] Pipes. Die Russische Revolution. P. 304-305.

единоличным, самодержавным носителем высшей власти. Ему одному принадлежала высшая законодательная, исполнительная и судебная власть.

Но было и решающее различие между царским самодержавием и советской властью. До революции 1905 г. Царь действительно являлся единоличным правителем, что же касается единовластия Советов, то здесь речь шла лишь о конституционной теории, бесконечно далекой от реальности. Напряженные отношения между большевистской партией и Советами проходят красной нитью через всю начальную стадию развития советского государства. Эти конфликты, как правило, разрешались в пользу большевиков, которые, несмотря на свои внутренние разногласия, имели сильное организационное преимущество перед Советами, хаотичными и аморфными в своей основе. Однако Советам была уготована совсем иная судьба, чем другим побежденным контрагентам большевиков. Они не были ликвидированы, но напротив, сохранены и официально объявлены высшей властью в государстве. Партия, которая неограниченно контролировала советское государство, в двух первых советских конституциях (1918 и 1924 гг.) по сути дела даже не упоминалась.

Почему большевики уклонялись от конституционного закрепления единовластия партии? Эта было намеренной маскировкой истинной структуры власти. Произвол власть имущих тем самым не ограничивался никакими формальными рамками. Таким образом, большевики прокладывали путь к первому в новейшей истории тоталитарному государству, суть которого состоит в том, что оно не имеет никаких законодательных ограничений власти, но открыто не признает этого. На этом основано предрасположение тоталитарных режимов к декоративным учреждениям, которые хотя и узаконивают их власть, но никоим образом не ограничивают ее. Так, например, национал-социалистическое руководство Германии после прихода к власти в 1933 г. не считало необходимым формально отменять Веймарскую конституцию. Национал-социалисты правили, не в последнюю очередь, с помощью чрезвычайного распоряжения рейхспрезидента «О защите народа и государства» от 28 февраля 1933 г.; они основывались также на принятом рейхстагом 24 марта 1933 г. «Законе о полномочиях», который рейхстаг, ставший марионеткой режима, со всеми церемониями подтверждал в 1937 г., а затем и в 1939 г. Это придавало новому господству произвола, по крайней мере внешне, видимость легальности. Большевики использовали фасад советской легальности в аналогичных целях.

Этот образ действий большевистского режима подвергался особенно острой критике многими левыми, например, немецким коммунистом Артуром Розенбергом, который в книге *История большевизма* писал: «Ленин в 1917 г. использовал Советы для того, чтобы развалить империалистический государственный аппарат. Потом он в истинно большевистском стиле создал свой государственный аппарат, т.е. аппарат господства небольшого дисциплинированного меньшинства профессиональных революционеров над большой бунтующей массой. Но большевики не только не упразднили Советы, что было технически очень даже воз-

можно в России, но и сохранили и использовали их как декоративный символ своего господства»[7].

Отдельные этапы этого процесса будут далее рассмотрены более подробно. Но сначала следует остановиться на разногласиях большевиков с другим учреждением, которое, казалось, представляло еще большую угрозу для диктатуры большевиков, чем Советы – это Всероссийское Учредительное собрание.

Разгон Учредительного собрания – последний бой русского парламентаризма

Одним из самых больших упущений русских демократов был тот факт, что давно предусмотренные выборы в Учредительное собрание России состоялись лишь после большевистского государственного переворота[8]. Начавшиеся 12 ноября 1917 г. выборы, несмотря на все маневры большевиков с целью помешать им, выглядели в глазах наблюдателей относительно достоверными. Они завершились оглушительной победой эсеров. Это было не удивительно, так как в аграрной стране партия, выступавшая за интересы крестьян, конечно должна была получить большинство голосов. Эсеры и близкие к ним группировки получили почти более 50% мандатов. Почти 24% мест выиграли большевики: за них в основном голосовали обе столицы – Петроград и Москва, а также армия; здесь почти половина избирателей проголосовали за правящую партию.

Но этого никоим образом не было достаточно для того, чтобы придать парламентскую легитимацию большевистскому господству. Подавляющее большинство избирателей высказалось за социалистические партии, получившие в общей сложности 88% голосов. За буржуазно-либеральные группировки, в особенности за партию кадетов, голосовали жители городских центров, прежде всего, крупных городов. В Петрограде и Москве кадеты были на втором месте после большевиков – около 26% и соответственно 35%. Однако русские города представляли собой лишь острова в крестьянском море. В соответствии с этим, общий результат кадетов был весьма скромным – лишь 4,7% голосов[9].

Но и этот весьма скромный успех своих «буржуазных» противников большевики рассматривали как чрезвычайную опасность. Чтобы ее уничтожить в зародыше, правительство решило полностью удалить кадетов с политической сцены. 28 ноября 1917 г. Совнарком заявил, что партия кадетов готовила путч против советской власти и в связи с этим видные члены кадетской партии, в том числе и члены Учредительного собрания, подлежат «аресту и преданию суду революци-

[7] Rosenberg A. Geschichte des Bolschewismus. Frankfurt/Main, 1987. P. 150-151.
[8] Церетели И. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. С. 403.
[9] Наше отечество: опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 99-100; Pipes. Die Russische Revolution. P. 344-349.

онных трибуналов»[10]. Итак, только что избранным депутатам от партии кадетов даже не было позволено принять участие в созванном 5 января 1918 г. Учредительном собрании. Аналогичная судьба ждала через 15 лет избранных на выборах в рейхстаг 5 марта 1933 г. депутатов от Коммунистической партии Германии (КПГ). 23 марта они не были допущены к голосованию о «Законе о полномочиях» по причине их обвинения в попытке путча – поджоге рейхстага. Так что в обоих случаях тоталитарные победители применяли по отношению побежденным ими противникам аналогичную аргументацию.

Соотношение сил в Учредительном собрании России в 1917-1918 гг. было иным, чем в германском рейхстаге в 1933 г. Даже после «исключения» кадетов большевики, несмотря на симпатии к ним левых эсеров, имевших более 40 мандатов, оставались в безнадежном меньшинстве. В отличие от левых эсеров, антибольшевистски настроенная умеренная часть партии эсеров имела более 370 мандатов и располагала абсолютным большинством в Учредительном собрании. Таким образом уничтоженные в результате государственного переворота 26 октября 1917 г. буржуазно-демократические институты в виде Учредительного собрания возвращались на политическую арену. Но допустить их победу для большевиков означало «повернуть колесо истории вспять», что, разумеется, не входило в намерения новых властителей. Когда результат выборов в Учредительное собрание стал ясен, большевистская пресса начала пропагандистскую кампанию против этого органа, призванного учредить Конституцию. Снова и снова повторялось, что Учредительное собрание олицетворяет совсем иные принципы, чем власть Советов, что оба эти учреждения не смогут сосуществовать. Один из ближайших соратников Ленина, Григорий Зиновьев, 22 декабря 1917 г. высказался по этому вопросу так: «Мы очень хорошо знаем, что за превозносимым лозунгом "Вся власть – Учредительному собранию!" скрывается … лозунг "Долой Советы!"»[11].

Учредительному собранию угрожала судьба Временного правительства. Последнее было устранено большевиками с тем аргументом, что его существование несовместимо с существованием Советов. Однако между двумя этими двумя учреждениями, побежденными большевиками, существовало существенное различие: Временное правительство никогда не опиралось на вотум доверия избирателей, поэтому его легитимность очень легко было поставить под вопрос. Однако Учредительное собрание, в отличие от Временного правительства, было первым в русской истории собранием, избранным на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов.

Выборы в Государственную Думу в предреволюционной России после 1905 г. были не равными, существовали избирательные курии крестьян, рабочих, городских собственников и помещиков. Такая система позволяла помещикам, состав-

[10] Наше отечество. Т. 2. С. 100.
[11] Pipes. Die Russische Revolution. P. 354.

лявшим незначительное меньшинство в стране, избирать сначала 30%, а с 1907 г. 51% избирателей. Выборы в возникшие в 1917 г. Советы также не были всеобщими. Право участвовать в них имели лишь российские «низы». Лишь выборы в Учредительное Собрание были и равными, и всеобщими. Женщины также получили избирательное право, что в тогдашней Европе отнюдь не являлось само собой разумеющимся. Из 90 млн. человек, имевших право участвовать в выборах, пришли на выборы более половины (более точных данных привести нельзя, так как сведения по некоторым избирательным округам отсутствуют).

Так что большевики с их неприятием Учредительного собрания стояли перед сложной дилеммой. Ее сложность возрастала, так как они со времени свержения царя непрерывно требовали созыва Учредительного собрания. Устранение Временного правительства Ленин не в последнюю очередь обосновывал тем аргументом, что лишь таким образом можно обеспечить честные выборы в Учредительное собрание. Критикой самих основ конституционализма большевики коренным образом противоречили своему прежнему тезису и могли тем самым лишиться доверия населения. Так, через несколько недель после своего установления, большевистский режим столкнулся с испытанием на прочность, которое угрожало его существованию.

Чтобы выдержать это испытание, Ленин был даже готов отказаться от монополии на власть, которую он берег как зеницу ока. В конце ноября 1917 г. он, после некоторых колебаний, одобрил коалицию с левыми эсерами, которые, как и большевики, критически относились к так называемым буржуазным учреждениям, то есть к конституционному органу. В этой связи большевики использовали левых эсеров как посредников в отношениях с сельским населением. Несмотря на «Декрет о земле», принятый большевиками в первый же день после захвата власти, подавляющее большинство русских крестьян все еще рассматривало эсеров как настоящих защитников своих интересов. На II Всероссийском съезде крестьянских депутатов, открывшемся 26 ноября 1917 г., в котором участвовало 796 депутатов, эсеры имели подавляющее большинство мандатов. Большевистская фракция на съезде состояла лишь из 91 депутата[12]. Это соотношение сил еще раз наглядно показало большевикам, как сильно они нуждаются в сотрудничестве с левыми эсерами.

10 декабря 1917 г. возникла коалиция между этими двумя партиями. Левые эсеры возглавили руководство некоторых народных комиссариатов, в частности юстиции и сельского хозяйства. Решительность, с которой они отрицали буржуазный порядок, была сродни большевистской. Один из вождей левых эсеров, Б. Камков, позже сказал: «Вся агитация и пропаганда, которая велась левыми эсерами [в 1917 г. – Л.Л.] нимало не отличалась от агитации, которую вели большевики»[13].

[12] Hildermeier M. Die russische Revolution. Frankfurt/Main, 1989. P. 251.
[13] Наше отечество. Т. 2. С. 95.

Некоторые левые эсеры участвовали в руководстве Военно-революционного комитета Совета, организовавшего свержение Временного правительства. Левые эсеры принадлежали к тем немногим политическим группировкам России, которые и после государственного переворота были солидарны с большевиками. Во время тяжелых боев, сопровождавших захват власти большевиками в Москве в конце октября 1917 г., левые эсеры сражались на стороне большевиков. «Я не разделяю программы большевиков, но я умру вместе с вами, потому что я социалист», – заявил в конце октября 1917 г., в канун боев с расквартированными в Москве верными Временному правительству войсками, левый эсер Черепанов[14]. Это высказывание в основном отражает позицию левых эсеров, которые в конце 1917 г. образовали самостоятельную партию. Левые эсеры были согласны и с применением террора против политических противников. Многие из них активно участвовали в деятельности «Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем» (ЧК), основанной в начале декабря 1917 г. Заместителем руководителя этого органа террора, позже названного большевиками «щитом и мечом революции», был назначен левый эсер Дмитриевский.

По всем этим причинам большевики считали левых эсеров своими партнерами в развернувшейся в конце 1917 – начале 1918 гг. борьбе против так называемого буржуазного парламентаризма, т.е. против Учредительного собрания. Мария Спиридонова, принадлежавшая к самым известным вождям левых эсеров, 21 декабря 1917 г. сказала: «Революция перед этим препятствием не остановится»[15]. Под «этим препятствием» имелось в виду Учредительное собрание.

Но не следует обольщаться этим словесным радикализмом левых эсеров: сами себя они отнюдь не считали двойниками большевиков. Они остро критиковали некоторые проявления произвола со стороны Совнаркома, например, декрет о печати от 27 октября 1917 г., формально направленный против так называемой контрреволюционной прессы, на практике же в целом существенно ограничивший свободу печати в стране. Запрет большевиками партии кадетов и арест ведущих деятелей кадетской партии также вызвал протесты левых эсеров. Они не были принципиально против запрета «контрреволюционных» партий, но выступали против самоуправства большевиков, не обсудивших этот вопрос с другими партиями, представленными в Совете. Один из вождей левых эсеров, В. Карелин, определил свою партию как «регулятор уменьшения чрезмерного [радикализма] большевиков»[16]. При этом левые эсеры существенно переоценивали свои возможности. В качестве младших партнеров большевиков они едва ли были в состоянии продолжительное время оказывать влияние на политический курс своих сверхсильных союзников. Так что возникшая 10 декабря 1917 г. коалиция была очень непрочной. Пока же это внутреннее напряжение в отношениях между

[14] Там же. С. 96.
[15] Там же. С. 102.
[16] Pipes. Die Russische Revolution. P. 339.

партнерами было отодвинуто на задний план их общим неприятием так называемого «буржуазного парламентаризма».

Учредительное собрание, созыва которого так опасались большевики, открылось 5 января 1918 г. Из 707 поименно известных депутатов этого конституционного органа на первом его заседании в Таврическом дворце в Петрограде присутствовали более 400 человек. Точное число делегатов установить очень трудно. Но ясно одно: в Учредительном собрании преобладали противники большевиков, в первую очередь эсеры, чья фракция насчитывала около 240 делегатов. Все попытки большевиков и левых эсеров определить ход дебатов провалились. Председателем Учредительного собрания была избрана не Мария Спиридонова, которой отдавали предпочтение большевики, а умеренный эсер Виктор Чернов[17]. Конституционный орган большинством голосов отверг требование большевиков и левых эсеров одобрить все декреты советской власти и разойтись. Созданное большевиками советское государство, лишившее прав так называемые эксплуататорские классы, не соответствовало представлением большинства Учредительного собрания. Собрание, призванное учредить Конституцию, высказалось за парламентское демократическое государство всех граждан России. В то же время Учредительное собрание, насколько было возможно, поддержало требования «низов» и выступило за радикальную земельную реформу, за мир (впрочем, без сепаратных мирных переговоров с Центральными державами), за существенное улучшение условий жизни промышленных рабочих. Но при этом оно отклонило призыв большевиков мстить свергнутым «верхам».

Таким образом, Учредительное собрание с его программными представлениями, несмотря на то, что оно представляло волю большинства населения страны, явилось чужеродным телом в созданной большевиками системе. Но судьбу страны после того, как были расшатаны или же разрушены государственные, экономические, политические и социальные структуры России, решало не неорганизованное большинство, а более или менее организованные меньшинства, к которым, в первую очередь, принадлежали большевики.

Когда на следующий день, 6 января, делегаты Учредительного собрания после перерыва первого заседания хотели продолжить совещания, Таврический дворец был оцеплен охраной, а вход в него для представителей единственного в России органа власти, имевшего данную народом легитимность, был закрыт.

В тот же день ЦИК Советов, в котором преобладали большевики, решил распустить Учредительное собрание. Обоснование роспуска было следующим: «Российская революция с самого начала своего выдвинула Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как массовую организацию всех трудящихся и эксплуатируемых классов за их полное политическое и экономическое освобождение... Всякий отказ от полноты власти Советов, от завоеванной народом Советской республики в пользу буржуазного парламентаризма и Учредительного соб-

[17] Keep. The Russian revolution … . P. 330.

рания был бы теперь шагом назад и крахом всей Октябрьской рабоче-крестьянской революции»[18].

8 января 1918 г. открылся III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, объединенный со съездом крестьянских депутатов. Этот съезд окончательно установил государственную структуру России. Россия объявлялась Российской Советской Социалистической Республикой. Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов провозглашался с этого момента единственным высшим органом власти в государстве. Совнарком, имевший сначала временный характер (он должен был действовать до созыва Учредительного собрания), был объявлен единственным законным правительством страны.

Это было окончательное прощание России с демократией в ее классическом смысле. Демократия для всех была заменена на так называемую советскую демократию лишь для трудящихся слоев. Классовая борьба представляла собой своего рода «raison d'être» – рациональное обоснование нового государства. По отношению к так называемым эксплуататорским классам новое государство имело лишь одно средство – вооруженное подавление. Противники большевистской классовой диктатуры не могли больше легальными средствами бороться с новым режимом. Судьба Учредительного собрания наглядно продемонстрировала это. Тот факт, что большевики прогнали с политической сцены Учредительное собрание с еще большей легкостью, чем незадолго до этого свергли Временное правительство, предоставил радикальным противникам режима дополнительный аргумент в пользу того, что насилие, применяемое большевиками как политическое средство, может быть преодолено лишь с помощью ответного насилия. Таким образом, сложились все предпосылки для начала гражданской войны.

«Учиться у немцев!» – «военный коммунизм»

Также, как Маркс и Энгельс, Ленин восторгался эффективностью капиталистической системы. Некоторые созданные этой системой структуры (Ленин называл их аппаратами) основатель партии большевиков считал своего рода нейтральными величинами, которые были бы в состоянии функционировать в рамках «социалистического государства». Непосредственно перед захватом власти большевиками, в сентябре 1917 года, Ленин писал: «[Этот аппарат] надо вырвать из подчинения капиталистам ... Его надо подчинить пролетарским Советам… Крупные банки – есть тот "государственный аппарат", который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что *капиталистически уродует* этот пре-

[18] Ленин В.И. Полное собрание сочинений (ПСС). М., 1958-1965. Т. 35. С. 235-236.

восходный аппарат»[19]. Спустя несколько недель после захвата власти, 14 декабря 1917 г., декретом о национализации банков и учреждении единого национального банка большевики начали осуществлять эту ленинскую программу.

Однако банки были для большевиков лишь вершиной «капиталистического айсберга»; большевики мечтали о том, чтобы установить свой контроль над многими другими частями «капиталистического аппарата». С этой целью 2 декабря 1917 г. при Совнаркоме был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), задачей которого было управление и координация деятельности всей российской индустрии. В это же время большевистское руководство поддержало так называемое «красногвардейское наступление» на русских предпринимателей. Целью этого наступления была экспроприация или же национализация промышленных предприятий. Большевистское руководство попыталось еще больше обострить и без того острые социальные противоречия в стране и разжигало социальную ненависть: «Ни один вопрос классовой борьбы в истории не решался иначе, как путем насилия, – утверждал Ленин на III Всероссийском съезде Советов 11 января 1918 г. – Насилие, когда оно происходит со стороны трудящихся, эксплуатируемых масс против эксплуататоров – да мы за такое насилие!… Да, мы начали и ведем войну против эксплуататоров. Чем прямее мы это скажем, тем скорее эта война кончится»[20].

Так называемый рабочий контроль на предприятиях все чаще превращался в экспроприацию или огосударствление собственности. С ноября 1917 г. по март 1918 г. были, более или менее стихийно, экспроприированы около 830 промышленных предприятий. Ленин, который со времени создания своего программного труда *Что делать?* многократно высказывался скептически по поводу стихийных порывов масс, в частности пролетарских, сразу же после большевистской революции расхваливал революционное давление снизу: «Вводя рабочий контроль [...] мы хотели показать, что признаем только один путь – преобразований снизу, чтобы рабочие сами выработали снизу новые основы экономических условий»[21]. При этом Ленин иронизировал над теми, кто полагал, что трудящиеся не достаточно квалифицированы, чтобы поставить под свой контроль все государство: «[Мы] убеждены в том, что с каждым шагом Советской власти будет выделяться все большее и большее количество людей, освободившихся до конца от старого буржуазного предрассудка, будто не может управлять государством простой рабочий и крестьянин»[22].

Ленин был тогда уверен в том, что в принципе возможно в один миг создать новый мир, войти в «золотую» социалистическую эпоху. И это можно осуществить в той стране, чьи общественные, экономические и политические структуры после трех с половиной лет войны были почти полностью разрушены. Троцкий

[19] Там же. Т. 34. С. 107.
[20] Там же. Т. 35. С. 265, 268.
[21] Там же. С. 274.
[22] Там же. С. 276.

писал в воспоминаниях, что он очень хорошо помнит, как Ленин в первый период после захвата власти большевиками на заседаниях Совнаркома вновь и вновь повторял: «Через полгода у нас будет социализм и мы станем сильнейшим государством на земле»[23].

Эти представления, напоминающие чуть ли ни религиозный хилиазм, связаны с той легкостью, с которой большевикам с Октября 1917 г. удавалось подавлять своих внутриполитических конкурентов. Партия большевиков пребывала в победном угаре, и лишь германские генералы во время переговоров в Брест-Литовске вернули ее на почву реальности. Этот факт Ленин самокритично признавал, когда говорил о жестоком, но необходимом уроке, который был преподан большевикам в Брест-Литовске. «Капиталистический» мир проявил бóльшую способность к сопротивлению, чем ранее могли предположить большевики. Его не удалось победить одним штурмом – «мировой революцией». Этот урок Ленин хотел использовать и во внутренней политике.

Немецкая военная экономика была объявлена им образцом для подражания, которому должны были следовать большевики при строительстве советской экономической системы. Незадолго до IV Всероссийского съезда Советов (март 1918 г.), который должен был одобрить унизительные условия Брест-Литовского мира, Ленин провозгласил: «Учитесь у немца! [...] Вышло так, что именно немец воплощает теперь, наряду с зверским империализмом, начало дисциплины, организации, стройного сотрудничества на основе новейшей машинной индустрии, строжайшего учета и контроля [...] Это как раз то, чему нам надо научиться. Это как раз то, чего не хватает нашей великой революции»[24]. «Работа, дисциплина и порядок спасут социалистическую Советскую республику», – добавил Троцкий почти в то же время[25].

Участие фабричных и заводских комитетов, советов предприятий и других органов самоуправления в управлении предприятиями руководство партии – за исключением «левых большевиков» – считало теперь не эффективным. Чтобы сохранить выпуск продукции, руководство теперь в первую очередь опиралось на специалистов, а не на революционных энтузиастов. Коллегиальный принцип руководства должен был быть заменен иерархически-централистским.

Вопреки этому смещению акцентов, сохранялась прежняя цель – создание нового мира и нового человека. Изменялись лишь методы достижения этого рая на земле. Они теперь назывались не «революционное давление снизу», «классовый инстинкт масс», «стихийность», а «контроль», «организация», «приказ». Эта эволюция в некоторой степени напоминает судьбу другой утопии, созданной героем романа Федора Достоевского *Бесы* Шигалевым. Шигалев также исходил в своем проекте из неограниченной свободы, чтобы затем прийти к абсолютной тирании.

---

[23] Trotzki L. Über Lenin: Material für einen Biographen. Frankfurt/Main, 1964. P. 106.
[24] Ленин. ПСС. Т. 36. С. 82.
[25] Pipes. Die Russische Revolution. P. 567.

Стали ли большевики жертвой своей собственной утопии? Этого мнения придерживался русский философ Семён Франк, рассматривавший утопизм как классическую ересь, как попытку спасти мир при помощи одной лишь человеческой воли. Так как утопист вторгается в структуру творения и человеческую природу, его намерения изначально обречены на провал; он объявляет войну как творению, так и природе человека и превращается из мнимого спасителя в озлобленного врага рода человеческого[26].

Тайна успеха большевиков, однако, состояла в том, что они, если того требовали обстоятельства, были в состоянии вопреки своему утопизму в угоду реальности пожертвовать частью доктрины. Этой способности к гибкости, к радикальной смене курса, они и обязаны своим выживанием. Но и тогда, когда большевики, казалось, действовали прагматически и проявляли тактическую гибкость, они никогда не отказывались от осуществления своих конечных идеологических целей. Фазы, когда в их действиях преобладала прагматическая позиция, оценивались ими лишь как «паузы для того, чтобы перевести дыхание», как периоды собирания сил перед новой попыткой перестроить действительность в соответствии с доктриной. Напряжение, существовавшее между двумя полюсами – доктринерским и прагматическим – было характерно для политики большевиков практически до самого распада СССР в 1991 г.

Своего рода смесь этих обоих компонентов представляла собой система «военного коммунизма», создавать которую большевики начали примерно с середины 1918 г. Первоначально эта система должна была служить достижению одной практической цели – предотвратить катастрофу снабжения, которая угрожала стране не в последнюю очередь из-за растущего отчуждения между городом и деревней.

Больше всего от Октябрьской революции выиграли крестьяне, получившие 26 октября 1917 г. «Декрет о земле». Захват помещичьей собственности, нелегально происходивший во многих регионах еще до большевистского переворота, был в результате его лишь легализирован. При этом лишены собственности были не только помещики, но и многие богатые крестьяне – владельцы сельскохозяйственных предприятий, производивших продукцию не только для собственного потребления, но и на рынок. Имевший далеко идущие последствия передел собственности привел к нивелировке деревни. Бедные крестьяне стали немного зажиточнее, богатые – несколько беднее. Так, число крупных крестьянских дворов (более 4 десятин) вследствие передела земли уменьшилось на рубеже 1917-1918 гг. с 31% до 21%, а число дворов так называемых «середняков», имевших менее 4 десятин земли, увеличилось с 57% до 72%[27].

Подавляющее большинство русских крестьян производили продукты лишь для собственного потребления и были едва ли заинтересованы в интеграции в

[26] Франк С. Ересь утопизма // он же. По ту сторону правого и левого. Париж, 1972. С. 83-106.
[27] Pipes. Die Russische Revolution. P. 638.

общегосударственную экономическую систему. Тем более что разрушенная промышленность России производила все меньше товаров и не могла предложить крестьянам за их продукцию соответствующий эквивалент. Таким образом, наступала катастрофа со снабжением городов. Не в последнюю очередь поэтому большевики 13 мая 1918 г. обновили принятый еще Временным правительством 25 марта 1917 г. закон о государственной хлебной монополии. Этот закон предусматривал, что крестьяне все свои излишки и запасы зерна должны продавать государству по твердой цене. После чего уполномоченные государством органы снабжения брали распределение продуктов питания на себя.

Между тем падение авторитета Временного правительства распространилось и на органы снабжения, поэтому они фактически были неспособны решить свои задачи. Готовность сельского населения поставлять зерно в требуемых объемах в течение 1917 г. беспрерывно снижалась. Эту тактику пассивного сопротивления крестьяне пытались осуществлять и после прихода к власти большевиков. Так как государство уже осуществило сокровенную мечту крестьян – «черный передел», крестьяне больше не хотели, чтобы оно и впредь вмешивалось в их дела. Отношение крестьян к государству было, очевидно, связано со старой традицией, которую историк Владимир Вейдле характеризовал так: На западе общество пыталось овладеть государством, в России, напротив, – бежать от него. Каждую такую попытку к бегству русское государство наказывало тем, что становилось еще более репрессивным.

Это наблюдение, касающееся предреволюционной русской автократии, было также верным и по отношению к большевистскому режиму. За короткое время большевики переняли старую самодержавную модель господства в России. При этом они приспособили эту модель к потребностям времени, модернизировали ее и, тем самым, сделали ее еще более эффективной, чем при царизме.

Чем меньше крестьянская Россия желала иметь дело с большевистским государством, тем более угрожающим становилось его присутствие в деревне. 29 апреля 1918 г. Ленин обвинил «мелких собственников», т.е. большую часть крестьянства, в «необузданном эгоизме» и объявил их решительными врагами «социалистического строительства»: «Да, мелкие хозяйчики, мелкие собственники готовы нам, пролетариям, помочь скинуть помещиков и капиталистов. Но дальше пути у нас с ними разные. Они не любят организации, дисциплины, они – враги ее»[28]. Режим готовил крупномасштабное наступление против крестьян, чтобы отнять у них «излишки». Народный комиссар Цюрупа, ответственный за продовольственное снабжение (наркомпрод), 9 мая 1918 г. открыто признал: «Я желаю с совершенной ответственностью заявить, что здесь речь идет о войне, только с оружием в руках можно получить хлеб»[29].

[28] Ленин. ПСС. Т. 36. С. 265.
[29] Наше отечество. Т. 2. С. 49.

Декретом от 27 мая региональные органы снабжения были прямо подчинены наркомпроду. В это же время партийное руководство начало апеллировать к «классовому сознанию» пролетариев, призывая их вступать в продовольственные отряды. Продотряды направлялись в села и деревни для того, чтобы силой отнимать продовольствие у крестьян. Сельских «мелких собственников», прятавших зерно и якобы заставлявших голодать горожан, пропаганда, в духе выше приведенных ленинских высказываний, представляла как новых классовых врагов пролетариата, которые в разворачивающейся новой фазе гражданской войны стоят по другую сторону баррикад.

Не только в городе среди промышленного пролетариата, но и в деревне большевики пытались теперь популяризировать свою идею новой гражданской войны. 20 мая 1918 г. председатель ЦИК Советов Яков Свердлов объявил: «Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах, … только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне сделаем то, что смогли сделать для городов»[30].

Расколу деревни должны были способствовать созданные по декрету от 11 июня 1918 г. «Комитеты деревенской бедноты» – комбеды. Члены комбедов должны были оказывать давление на более богатых крестьян, чтобы те сдавали свои «излишки» государству; иными словами, они должны были доносить на соседей. В качестве платы за донос комбеды получали часть конфискованного зерна.

Разжигая таким образом социальную зависть и вражду, большевики пытались использовать давно известные методы, которые и в прошлом помогли им избавляться от традиционного верхнего слоя общества. Когда вскоре после свержения царя большевики призывали крестьян и рабочих «грабить награбленное», т.е. самовластно экспроприировать собственность помещиков и фабрикантов, их призыв получил значительный отклик. Они использовали в своих интересах углублявшуюся из поколения в поколение пропасть между «верхами» и «низами» в российском обществе. Эту пропасть дополнительно увеличивал и конфликт культур: европеизированных «верхов» и традиционно мыслящих «низов». Николай Бердяев писал, что «мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы…, даже их язык был совершенно чужд народу-крестьянству, воспринимался как мир чужой расы, иностранцев»[31].

Между русским промышленным пролетариатом и крестьянством не было такой пропасти; не было ее и между крестьянами-«богачами» и «сельской беднотой». Не в последнюю очередь поэтому большевики не смогли своими призывами к классовой борьбе против якобы «сельской буржуазии» достичь таких больших успехов, каких они ожидали. Лишь немногие промышленные рабочие были готовы вступить в продотряды. Поэтому режим был вынужден прибегнуть к по-

[30] Там же.
[31] Бердяев. Истоки. С. 111.

мощи других социальных элементов – тех, кого марксисты называли «люмпен-пролетариат». Поведение этой разношерстной «продармии», насчитывавшей в конце 1918 г. около 40 тыс. человек, никоим образом не устраивало большевистское руководство. Московский ЦК был завален жалобами из регионов, в которых действия продотрядов подвергались острой критике. Продотряды обвинялись в том, что во время походов против сельского населения они прежде всего заботились о своем снабжении, а не о продовольственном обеспечении государства. В середине 1918 г. Ленин был вынужден призвать рабочих, которые шли в продотряды, брать в эти отряды не грабителей, а надежных людей, тех, кто «будет служить общему делу спасения от голода всех голодающих, а не лишь себя самого»[32].

Репутация комбедов была не лучше. Так как крестьянство относительно сплоченно оборонялось от террористического похода большевиков, в комбеды вступали, как правило, лишь представители маргинальных групп, не пользующиеся авторитетом в сельских общинах. Вместо того чтобы укреплять новый режим на селе, они лишь дискредитировали его. Известный русский специалист по аграрной политике А. Устинов писал о поведении комбедов: «Они становятся в деревне источником величайшей неразберихи ..., в комитеты входит голытьба, деклассированные бесхозяйственные элементы деревни… Эта теплая компания, ничего за душой не имеющая, кроме сознания полноты власти, отправляется походом на хозяйственные элементы деревни, на всех тех, у кого хоть что-нибудь есть, При этом не щадятся и трудовые хозяйства: расхищаются скот, мертвый инвентарь всех видов. ... Идет не созидание ценностей, а их уничтожение»[33].

Власти должны были самокритично признать, что комбеды не принесли пользы большевистскому делу. Вот отзыв наркомпрода о деятельности комбедов в Пензенской губернии: «Комитеты бедноты всюду, положительно везде, оставили уже совсем безотрадные воспоминания о таких их делах, которые иначе как уголовными преступлениями назвать нельзя»[34]. В конце 1918 г. комбеды были распущены. Вместо призывов к самостоятельной инициативе «классово сознательных» рабочих и крестьян большевики начали все в большем масштабе проводить политику «огосударствления» гражданской войны. Для войны против собственного сельского населения они стали, прежде всего, использовать государственные органы террора, а также регулярные части созданной в феврале 1918 г. Красной Армии.

Со времени Октябрьской революции большевики реагировали на глубокие внутриполитические кризисы, как правило, ужесточением своего и без того жесткого политического курса, дополнительной централизацией своих и без того централизованных структур власти и растущим огосударствлением важнейших сфер экономической и общественной жизни. Не иначе они реагировали на уже-

[32] Pipes. Die Russische Revolution. P. 660.
[33] Павлюченков С. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 72.
[34] Там же. С. 71.

сточение кризиса снабжения в течение 1918 г. Через шесть недель после огосударствления хлебной торговли правительство взяло в свои руки контроль над большей частью промышленного производства. 28 июня 1918 г. все крупные предприятия были переданы государству. Распределение продовольствия и производство промышленной продукции в огромной стране теперь, по крайней мере, теоретически, были сосредоточены в двух сверхучреждениях, число работников которых беспрерывно росло, и которые получали все больше особых полномочий – в народном комиссариате продовольствия (наркомпрод) и в ВСНХ.

Полномочия наркомпрода дополнительно расширились, когда правительство 21 ноября подвергло огосударствлению всю внутреннюю торговлю за немногими исключениями. Контролируемое государством распределение товаров должно было заменить рынок, который для ортодоксальных марксистов всегда был бельмом в глазу. Специалист по проблемам экономики левый большевик Н. Осинский осенью 1918 г. писал о рынке: «Рынок – это очаг инфекции, постоянно порождающий возбудителей капитализма. Контроль над аппаратом общественного обмена сделает невозможным спекуляцию, накопление капитала, появление новых частных собственников»[35]. В марте 1919 г., в проекте партийной программы, большевики объявили своей целью замену торговли плановым, организованным в государственном масштабе распределением продуктов.

Усиливающаяся с середины 1918 г. продовольственная диктатура была мерой не только вынужденной. Партия не просто реагировала на развал механизмов снабжения, но и действовала по собственной инициативе. Распад старых структур снабжения она использовала как шанс создать новые структуры, соответствующие ее идеологическим представлениям.

Наряду с рынком деньги являлись тем явлением, которое особенно раздражало ортодоксальных марксистов. Мечта об отмене денег была тесно связана с мечтой об отмене рынка. На самом деле, в системе, в которой государство брало на себя распределение товаров, деньги теряли свое первоначальное значение. К началу 1921 г. реальная стоимость находящихся в обороте российских денег упала по сравнению с ноябрем 1917 г. с 1919 млрд. руб. до 70 млрд. руб. В середине 1921 г. советская банкнота 50 000 руб. имела покупательную силу в одну довоенную копейку[36]. Имевшее далеко идущие последствия обесценивание рубля сначала едва ли заботило советское руководство: оно мечтало о «пролетарском натуральном хозяйстве», в котором деньги не будут играть никакой роли. Все больше продуктов должно было предлагаться государством бесплатно, как, например, с конца 1920 г. газ, вода, электроэнергия и другие коммунальные услуги. Квартплата в государственных коммунальных квартирах была также отменена, как и плата за почтовые услуги.

[35] Pipes. Die Russische Revolution. P. 572.
[36] Ibid. P. 583.

Наряду с рынком и деньгами большевики пытались ликвидировать и третью основу старого «буржуазного» порядка – частную собственность. Государство должно было не только распределять товары, но и производить их. Контроль за огосударствленными промышленными предприятиями осуществлял ВСНХ. Сначала это были крупные предприятия, перешедшие в собственность государства с 28 июня 1918 г., затем с ноября 1920 г. – все промышленные предприятия с числом работающих более 5-10 человек. Так что одно единственное учреждение должно было управлять производством и координировать работу десятков отраслей и тысяч предприятий (осенью 1920 г. их было более 37 тыс.). Это вело к чрезвычайному раздуванию штатов этого ведомства: в марте 1918 в ВСНХ трудилось 318 чиновников – совслужащих, а в начале 1921 г. их, в центре и на местах, было уже 30.000[37].

Четвертой основой создаваемой большевиками с середины 1918 г. и развитой ими системы, которая в дальнейшем получила название «военного коммунизма», была, наряду с отменой рынка, частной собственности и значительным обесцениванием денег, всеобщая трудовая повинность. Об установлении всеобщей трудовой повинности Ленин мечтал еще до захвата коммунистами власти. В октябре 1917 г. в работе «Удержат ли большевики государственную власть?» он писал: «Кто не работает, тот не должен есть, – вот основное, первейшее и главнейшее правило, которое ... введут Советы рабочих депутатов, когда они станут властью»[38]. Ленин знал, какими средствами можно заставить работать на «пролетарское» государство все слои населения, в том числе и состоятельные. Эти средства – «монополия на зерно и хлебная карточка».

Этот постулат большевики начали претворять в жизнь сразу же после захвата власти. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР), принятая в июле 1918 г., провозглашала, что с целью уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность. В «законе о труде» от 10 декабря 1918 г. все граждане и гражданки в возрасте от 16 до 50 лет были обязаны нести «трудовую службу». Военный коммунизм означал расширение государственного контроля на все сферы экономической, социальной и политической жизни страны. Общество, которое вследствие революций 1905 г. частично, а 1917 г. полностью, освободилось от государственной опеки, было снова лишено самостоятельности и стало несвободно еще в большей степени, чем до 1861 г. – года отмены крепостного права.

Многие наблюдатели видят в военном коммунизме определенное сходство с немецкой военной экономикой времен первой мировой войны. Сами большевики многократно утверждали, что, создавая систему военного коммунизма, они вдохновлялись примером Германии. В действительности же между обеими системами существовали принципиальные различия: немецкая военная экономика была

[37] Ibid. P. 599.
[38] Ленин. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 311.

«экономикой чрезвычайного положения», действовавшего в рамках существовавшей капиталистической системы.

Военный коммунизм, напротив, взорвал капиталистическую систему и создал новую, ей альтернативную. В немецкой военной экономике речь шла о контроле над рынком и частной собственностью; при военном коммунизме – об их разрушении. При военном коммунизме важнейшие стимулы хозяйственной жизни должны были быть уничтожены. Большевики как истинные марксисты непрерывно говорили о примате экономики. В действительности же в системе военного коммунизма экономика полностью зависела от государства, т.е. от политики; экономика стала лишь придатком политики. Этой сменой приоритетов большевики начали один из глубочайших переворотов в новейшей истории.

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина